

УДК 930.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/12

ПОПЫТКИ ВХОЖДЕНИЯ ШЛЯХЕТСТВА В СОСТАВ БЕССАРАБСКОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В.В. Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: v_moga@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается сложный процесс признания дворянских прав шляхтичей, проживавших на территории Бессарабской области. Активная миграция шляхетских семей на правобережную часть реки Прут началась вслед за вступлением российской армии в пределы Молдавского княжества и усилилась после подписания Бухарестского мирного договора. Однако трудности формирования дворянского общества в Бессарабии после 1812 г. многократно осложнили процедуру признания прав на дворянство большинства прибывших шляхтичей. Лишь малочисленная их часть смогла войти в состав высшей сословной группы края. Несмотря на то что в первое десятилетие после присоединения Бессарабии к России власти неоднократно поручали различным учреждениям рассмотреть прошения шляхтичей о признании их дворянских прав, чиновники всячески уклонялись от ревизии представленных документов. Важно отметить, что это не было политикой царских властей, а лишь бюрократическими особенностями этой области. Таким образом, поселившейся в Бессарабии многочисленной группе шляхтичей пришлось столкнуться с полной безучастностью местных служб к их просьбам. Вместе с тем автор отмечает, что шляхтичи относились к успешным кругам бессарабских жителей. Они активно скупали земельные владения в крае, удачно устраивали свою служебную карьеру. Отмечены и приоритеты в выборе сфер служебной деятельности. Высокий образовательный ценз позволял им занимать в крае видное место, в частности служить в судебной сфере, в губернаторской канцелярии и т. п.

Ключевые слова: социальные группы, сословия, дворянство, история России XIX в., шляхта.

ATTEMPTS OF THE POLISH NOBILITY (SZLACHTA) TO BECOME PART OF THE BESSARABIAN NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

V.V. Morozan

Saint Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v_moga@mail.ru

Abstract

The article deals with the complex process of recognising the rights of the Polish nobility (szlachta) living in Bessarabia. Active migration of Polish gentry to the right bank of the Prut began after the Russian army had entered Moldavian principality and intensified after signing the Treaty of Bucharest. However, the formation of Bessarabian nobility after 1812 faced many challenges, which hampered the procedure of recognition of nobility rights for the majority of the newly arrived Polish noblemen. Only few of them could join the highest social class of the region. Although in the first decade after Bessarabia's accession to Russia the authorities repeatedly entitled various institutions with the obligation to consider petitions from Polish gentry for recognition of their nobility rights, officials evaded this duty in every possible way. It should be underlined that it was regional bureaucracy, rather than the throne policy. Thus, a large group of Polish nobility who settled in Bessarabia had to deal with a complete indifference of local officials. However, the author emphasises that the Polish nobility succeeded in Bessarabia. They were active buying lands and building up their careers. Having high educational qualification, they could be engaged in the judiciary system, Governor's Office and other prestigious places.

Keywords: social group, nobility, class, history of Russia of the 19th century, Polish szlachta.

Роль и место польской шляхты западных губерний Российской империи в истории российского дворянства все еще остаются слабо изученными. К сожалению, отечественная историография не богата работами по истории многочисленной шляхты западных губерний Российской империи. Можно лишь вспомнить статью

В. Казимировича (Казимирович 2006). Хотя вышедшая несколько лет назад в России замечательная работа французского историка Даниэля Бовуа и стала заметным явлением в изучаемой сфере, изменить отношение российских историков к этой теме она не смогла (Бовуа 2011). Для написания данной статьи автор обратился к материалам Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Молдова. Конечно, в рамках одной статьи проследить весь процесс вхождения польской шляхты в жизнь Бессарабии невозможно. По этой причине не был использован весь комплекс документальных материалов, с которыми удалось поработать в архивах (НАРМ 1–9; РГИА 1–5).

После вхождения восточной части Молдавского княжества под названием Бессарабия в состав Российской империи царским властям потребовалось немало усилий, чтобы структурировать сословный строй этой области. Его состав не соответствовал традиционным сословным группам русского общества. Кроме того, в Молдавии не закончился процесс формирования дворянства и городских социальных групп, что мешало созданию в Бессарабии эффективных органов местного управления. В силу этих причин процесс организации дворянского общества затянулся на десятилетие. Впрочем, если коренная часть благородного сословия с трудом, но все же обретала свои права, то вновь прибывшие в область этноконфессиональные группы испытывали порой непреодолимые препятствия. Так, до и после подписания Бухарестского мира в 1812 г. в Бессарабию из соседних губерний в надежде получить должности на государственной службе стали стекаться польские шляхтичи. Участвуя в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., они с интересом присматривались к краю, готовили условия для последующего переселения в эту область. При возможности покупали за небольшие суммы дома или крохотные участки земли, благо предложений было немало от бежавших в первые годы после присоединения края к России молдаван. С назначением полномочным наместником этой области подольского военного губернатора А.Н. Бахметева в 1816 г. процесс этот многократно усилился. Очевидно, генерал больше доверял чиновникам из Подольской губернии, нежели местным жителям, так как с большей охотой назначал людей из-за Днестра. Между тем на левой стороне этой реки, в особенности в ее верховье, число польских шляхтичей было велико, в особенности в Хотинском и Ясском уездах. Бедность и безземелье большей части некогда польских дворян не оставляли им другой возможности добычи средств к существованию, кроме частной и государственной службы. Помимо того, добиваясь прав на дворянство, шляхетская масса не оставляла надежду на его приобрете-

ние в коренных или вновь приобретенных губерниях, в частности в Бессарабии, где процесс сбора документов у этого сословия только начинался.

Таким образом, после 1812 г. в Бессарабии создалась весьма благоприятная обстановка для шляхтичей, желавших поселиться в этом краю. Многих толкала на переезд в Бессарабию и возможность арендовать землю у тех, кто не желал оставаться под скипетром русского царя, но медлил с продажей своего имущества. А таковых было немало, что позволяло мигрантам рассчитывать в будущем на удачную покупку недвижимости. Кроме того, в области ощущался острый недостаток в людях с опытом российской службы. Часть поселившихся в этой области шляхтичей уже имели опыт борьбы за дворянские права и стремились скорее оформить свой социальный статус на новом месте. Затягивание с этим делом могло привести к причислению налоговыми службами многих из них к податному сословию. Однако в силу несформированности депутатского собрания процесс признания дворянства за вновь прибывшими шляхтичами затормозился. Это заставляло многих обращаться к местным властям с жалобами на проволочки при рассмотрении их документов. В частности, в сентябре 1824 г. кишиневское польское шляхетское общество обратилось в Верховный совет области с коллективной жалобой на депутатское собрание. По мнению поляков, из-за отсутствия специальной «комиссии для разбора документов на звание их они подвергаются теперь платежу податей и отбыванию повинностей наравне с людьми простого звания» (НАРМ 9: 11). В Бессарабии они «снискали для себя выгоднейшее убежище и, желая... расселиться между новоприобретенным российским оружием народом, с дозволения начальства, перешли в значительном числе из польских губерний в сию область со всеми имеющимися у них на дворянское происхождение их документами и, поселившись тут постепенно одни по городам, а другие по цынутам (уездам), занимают приличным званием их промыслами, каждый по своему состоянию...» (НАРМ 9: 11).

Первые попытки рассмотреть документы на дворянство шляхтичей были предприняты после учреждения в 1816 г. в области Временного комитета. Подчиняясь распоряжению властей, эта группа благородного сословия стала активно вносить на рассмотрение комитета имевшиеся у нее бумаги. Однако члены этого учреждения не стали заниматься ревизионной работой. После упразднения Временного комитета в 1818 г. документы польской шляхты были переданы в Бессарабский верховный совет. Но вместо ожидаемого признания прав на дворянство последовало распоряжение в адрес городской

и земской полиции начать сбор с шляхтичей местного налога – бира, вынудив их исполнять земские повинности наравне с податным населением. В том же 1818 г. поляки обратились в Верховный совет с просьбой приступить к рассмотрению полученных от них документов и до окончания этой работы освободить их от податей. 22 января 1819 г. последовало новое предписание Верховного совета о возвращении всем ранее полученных от них документов на дворянство без их рассмотрения. Надлежало дожидаться учреждения особой комиссии, куда вновь следовало сдавать свои бумаги. При этом в ответ на прошение шляхтича Андрея Кашульского Верховный совет в указе 1819 г. приказал Кишиневской городской думе освободить поляков от всяких повинностей до окончания работы будущей комиссии. Но, вопреки решению совета, шляхтичей продолжали вынуждать исполнять обязанности податного населения. Да и саму комиссию власти так и не учредили. Важно подчеркнуть, что трудности, которые испытывала эта категория претендентов на дворянство, не создавались властями искусственно. Очевидно, налоговые власти преследовали свои фискальные интересы, мало заботясь о судьбе шляхтичей. Другие органы местного управления, не имея строгих предписаний и инструкций, просто не желали заниматься этими делами.

В 1821 г. была создана комиссия под председательством исполнявшего обязанности наместника области генерал-лейтенанта И.Н. Инзова, «имевшая в предмет приведения в известность разбор одних коренных молдавских дворян, по особой инструкции» (НАРМ 6: 41 об.–42). Но в этой инструкции ничего не было сказано о шляхтичах, отчего комиссия не принимала к рассмотрению бумаги других претендентов на дворянство, в том числе поляков. По этой причине шляхтичи оставались «в прежнем положении, ожидая разбора документов по постановлению Верховного совета» (НАРМ 6: 42). Определенные надежды у поляков вновь появились после решения в 1822 г. генерал-лейтенанта И.Н. Инзова об открытии действий Бессарабского дворянского депутатского собрания. Вслед за этим Верховный совет постановил, чтобы польская шляхта вносила свои документы в депутатское собрание на тех же основаниях, что и прочие соискатели. Примечательно, что совет потребовал указать шляхтичам, чтобы они более не беспокоили областные власти по настоящему вопросу, а действовали согласно общепринятым процедурным нормам. Однако и после этого принятые к рассмотрению документы шляхтичей продолжали накапливаться в дворянской комиссии при депутатском собрании, оставаясь без внимания. Такое отношение к полякам со стороны комиссии лишь множило их

частные жалобы в адрес местных властей. Можно предположить, что Дворянское собрание было больше заинтересовано в скорейшем рассмотрении прошения коренного дворянства, нежели вновь прибывших шляхтичей.

В 1825 г. на бездействие дворянской комиссии обратил внимание исполнявший обязанности областного прокурора И.А. Подгурский, потребовав от нее надлежащих объяснений. В частности, он писал о безуспешных попытках добиться причисления к бессарабскому дворянству братьев Николая, Якова, Тодора и Арсения Гурских, а также Василия, Георгия, Иосифа и Матвея Граневских. Обратившись в дворянскую комиссию, они представили полный пакет документов, подтверждавших их благородное происхождение. Но дворянские депутаты отказывали им даже в приеме бумаг, сославшись на то, что переводы с польского не были заверены в областном правительстве. Подгурский потребовал ускорить процесс рассмотрения дел шляхтичей. Вместе с тем он настаивал на том, чтобы от поляков, которые уже представили свои документы на дворянство в других губерниях, не требовали делать это вновь в Бессарабии. До рассмотрения их документов в Герольдии они могли жить в области, пользуясь правами дворян. Так, из отношения Подольского дворянского депутатского собрания следовало, что из этой губернии выехали в Бессарабию 15 семей шляхтичей (табл. 1). Правда, не все они представили акты на внесение Подольским дворянским депутатским собранием их фамилий в родословную книгу. Ко всему прочему, вопреки решению указанного собрания, большинство из них впоследствии так и не были официально признаны дворянами. Те же, кто не внес еще свои бумаги в депутатские собрания по прежнему месту жительства, могли это сделать на общих основаниях в Бессарабии. Из той же Подольской губернии к концу 1827 г. подали свои документы либо предъявили свидетельства о приеме документов в Подольском собрании 14 семей (табл. 2).

Требования прокурора И.А. Подгурского соблюдать права польской шляхты 10 ноября 1825 г. поддержал и генерал-губернатор граф М.С. Воронцов. «Все польские шляхтичи, поселившиеся в здешней области на жительство, кои доказали во внутренних губернских дворянских депутатских собраниях свое звание и имеют на то акты, не должны быть побуждаемы к новому доказательству происхождения своего в здешнем депутатском собрании, но могут оставаться в Бессарабии на жительство при своих правах... до рассмотрения и разрешения оных Правительствующим Сенатом», – писал Воронцов бессарабскому гражданскому губернатору (НАРМ 6: 43).

Таблица 1

Ведомость о числе дворян Бессарабской области

Уезд	Помещиков	Беспоместных	Личных	Польских шляхтичей
Хотинский	38	11	1	14
Ясский	61	35	1	20
Оргеевский	94	95	4	67
Бендерский	4	7	–	12
Аккерманский	–	5	1	4
Измаильский	3	6	–	1
Всего	200	159	7	118

Источник: НАРМ 3: 74.

Таблица 2

Список шляхтичей, представивших в БДДС документы на дворянство

№ п/п	Шляхтичи	Примечания
<i>По Оргеевскому уезду</i>		
1	Яков, Сильвестр, Степан и др. Урбановичи	Были признаны подлежащими к внесению в бессарабскую родословную книгу
2	Николай, Иван, Семен и Кондрат Делимарские	
3	Кондрат Осецкий	
4	Пантелеймон, Андрей, Фома и Иосиф Лазо	
5	Антон Якубович	На основании предписания графа М.С. Воронцова предоставлено им пользоваться теми правами, какими они по предъявленным документам пользовались во внутренних губерниях. И о сем выданы им свидетельства
6	Иван Жаборовский	
7	Федор, Андрей и Андрей Борщевы	
8	Яков и Федор Гурские	
9	Григорий Толмачевский с сыновьями и племянниками	
10	Павел Ильницкий	
11	Григорий, Лукьян и Андрей Брашевановы	
12	Федор, Василий и Иван Домбровские	
13	Федор Кисилевский	
14	Григорий, Михаил, Ян и Павел Бачинские	
15	Константин, Даниил, Сафроний и др. Чернявские	
16	Константин, Иван и др. Поповские	
17	Иван, Демьян и др. Левицкие	
18	Иван Бусуиок	
19	Григорий, Иван и Пантелеймон Целинские	
20	Влас, Илья, Захарий и др. Березовские	
21	Николай, Тимофей и др. Чернелиевы	

22	Георгий, Сергей, Иван, Григорий и др. Бродеску- ловы	
23	Илья, Прокофий, Еремей и Андрей Ставинские	
24	Михаил Княгницкий	
25	Филипп Шиговский	
26	Софроний Шостаковский	На основании указа Правительствующего Сената от 19 октября 1831 г. этим лицам вы- даны свидетельства
27	Анисим Синкевич	
28	Никита и Павел Терзимановы	
29	Трофим Платонович с сыновьями	
По Ясскому уезду		
30	Андрей и Савва Урсуловы	Были признаны к вне- сению в родословную книгу бессарабских дворян
31	Ананий Лазо с братьями	
32	Фома Недзельский	
33	Василий Грановский	
34	Григорий, Василий, Иван и Гавриил Ревенковы	На основании предпи- сания графа М.С. Воронцова им выданы свидетель- ства
35	Василий Чемский	
36	Гавриил и Дмитрий Петрашевичи	
37	Аврам и Андрей Березовские	
38	Онофрий Заржицкий	
39	Радуловы	На основании указа Правительствующего Сената от 19 октября 1831 г. этим лицам вы- даны свидетельства
40	Константин, Андрей и др. Лазовы	
41	Иезекль Круковский	
42	Андрей, Иоанн, Исаак и др. Ониловы	
По Хотинскому уезду		
43	Базылий, Штефан и др. Медведцкие	На основании предпи- сания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства
44	Антон, Ефрем, Иоанн и Тодор Тиминские	
45	Онофрий Солтовский	
46	Илья и Иван Граневские	
По Бендерскому уезду		
47	Антон Прохницкий с братьями	Были признаны к вне- сению в родословную книгу бессарабских дворян
48	Василий Граневский с братьями	
49	Яким Бродескул с братьями	На основании предпи- сания графа М.С. Во- ронцова им выданы свидетельства
50	Андрей и Григорий Додоновы	
51	Степан Горский	
52	Ясинские	

<i>По Аккерманскому уезду</i>		
53	Захарий Журавский с сыновьями и племянниками Григорием, Василием и др.	На основании предписания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства
<i>По Левовскому уезду</i>		
54	Михайло Барановский с сыном Яковом	На основании предписания графа М.С. Воронцова им выданы свидетельства

Источник: НАРМ 6: 46–48.

Отметим, что в числе так называемых шляхтичей, прибывших из других губерний, не все были поляками по национальности. В различных списках встречаются семьи с фамилиями явно молдавского происхождения. Так, из Екатеринославской губернии прибыл 26-летний канцелярист Иван Мартынович Ройбулов-Вакаре (очевидно, Ройбул-Вакаръ) с родными братьями Максимом, Козмой, Петром, Тихоном и Андреем. С ними были и двоюродные братья Люкян и Тимофей (НАРМ 4: 63). Они представили копии протоколов состоявшихся депутатских собраний Екатеринославской губернии от 8 февраля и 10 мая 1794 г. о внесении в 4-ю часть родословной книги хорунжего Ивана Ройбулов-Вакаре (очевидно, Ройбул-Вакаръ) и его родных: Филиппа, Степана, Мартына и Сергея. В числе подольских шляхтичей в Бессарабию прибыли и братья Данило, Демьян и Казимир Дмитриевичи Доници, которые 11 декабря 1802 г. были внесены собранием в 4-ю часть родословной книги Подольской губернии (НАРМ 8: 79). Судя по фамилии, эти лица также имели молдавские корни.

Перечисленные трудности с признанием дворянских прав шляхты возникали из-за отсутствия четких правил рассмотрения документов этой сословной группы. Кроме того, дворянские депутаты объясняли медлительность при рассмотрении таких дел отсутствием в собрании переводчика с польского языка. В связи с этим шляхтичи обратились к исполнявшему обязанности гражданского губернатора А.Н. Пизани с предложением нанять на свои средства для дворянской комиссии нужного переводчика (НАРМ 7: 29). Однако это предложение не было поддержано властями. 26 июня 1825 г. заступивший в должность гражданского губернатора В.Ф. Тимковский предложил перевести на время рассмотрения документов польских шляхтичей переводчика из Верховного совета (НАРМ 1: 30). Но и после этого дела шляхтичей оставались без рассмотрения. Устав от постоянных упреков со

стороны прокурора и гражданского губернатора, областной маршал И. Димитриу 3 ноября 1826 г. предложил депутатом являться каждый день к 9 часам утра в присутствии для совместного с ним разбирательства документов польских шляхтичей. В своем письме областной предводитель отмечал, что практика неявки в собрание депутатов обрела размах. По этой причине он потребовал брать письменные объяснения от всякого, кто пропустил присутственный день. Если депутат болел или находился в отпуске, то его должен был замещать кандидат на должность депутата (НАРМ 5: 43). Во второй половине 1820-х гг. процесс рассмотрения дел шляхтичей стал постепенно налаживаться. Они разбирались дворянским собранием наряду с представленными документами местного благородного сословия. Казалось бы, при незначительном количестве дворян в области процедура их признания должна была пройти быстрее, но на деле все шло чрезвычайно медленно. Из записки неизвестного лица в адрес гражданского губернатора А.И. Сорокунского следовало, что в 1830 г. в области было 484 главы дворянских семей (см. табл. 1), из них 118 – шляхетских семей. Число же семей других социальных групп в то время в Бессарабии составляло 214 063. Очевидно, что неравное соотношение между дворянами и другими группами было явным (Gherasim 2012: 177).

Отношение царских властей к многочисленному шляхетству западных губерний после присоединения этих территорий к России всегда было неоднозначным. Как отмечала в своем докладе Герольдия общему собранию Правительствующего Сената в октябре 1831 г., «состояние многочисленного сословия шляхты в западных губерниях, неоправдательность прав и повинностей оного и неуместные смешения, под общим сим именованием, действительных дворян с лицами, ничем права своего на дворянство не утвердившими, от самого возвращения помянутых губерний к России...» всегда обращало на себя внимание российского правительства (РГИА 1: 37). Примечательно, что приведенная выше формула вошла без изменений в указ 19 октября 1831 г. При этом неоднородность и пестрота состава этой сословной группы вызывали у властей острое желание причислить большую ее часть к податному населению. Впрочем, для начала власти пытались вычлени из нее ту часть, которая могла доказать свое благородное происхождение. Очевидно, к последней категории относились в основном поместные землевладельцы. Чиншевая шляхта имела гораздо меньше шансов доказать свое благородное происхождение. И тем не менее подавляющая масса этого сословия при ревизии 1795 г. вписала себя в состав дворянства.

Интересно, что уже спустя несколько месяцев после первого раздела Польши белорусский генерал-губернатор граф З.Г. Черны-

шев во всеподданнейшем докладе предложил провести полную ревизию вновь приобретенных территорий, не исключая и само население. Отмечая важность этого акта в указе от 13 сентября 1772 г., Екатерина II предписала местному дворянству представить списки благородного сословия, «чтобы впредь без высочайшей воли никто себя тем достоинством не почитал» (ПСЗРИ 1845: № 13865). 14 июня 1773 г. последовало новое распоряжение, которое обязывало шляхетство представить в верхние земские суды доказательства о своем достоинстве. Потом власти неоднократно назначали новые сроки для представления письменных документов о благородном происхождении, но безуспешно (ПСЗРИ 1849: № 17327; ПСЗРИ 1856: № 22873; ПСЗРИ 1857: № 26108; ПСЗРИ 1861: № 27014). Большая часть шляхты игнорировала эту процедуру из-за отсутствия нужных бумаг. В 1808 г. правительство попыталось определить конечный срок подачи документов на дворянство для чиншевой шляхты, но и эти сроки были нарушены (ПСЗРИ 1856: № 22873). Наконец, в 1816 г. было принято решение «учинить по польским губерниям разбор неизвестным людям, вписавшимся при 6 ревизии в класс старой шляхты» (ПСЗРИ 1860: № 26108). Но по стечению разных обстоятельств, отмечали власти в 1831 г., эти меры «не имели доньше желаемого успеха, ни предложения о новом устройстве шляхты, еще от времен Екатерины II предначертанные и потом многократно возобновлявшиеся, не были приведены в действия» (РГИА 1: 37).

Восстание 1830–1831 гг. ускорило процесс разбора дел дворянства западных губерний с ужесточением требований властей к претендентам. Решительность правительства ярко выразилась в указе 19 октября 1831 г., в котором отмечалось: «Предав виновных заслуженному ими наказанию, мы признали за благо ускорить вместе с сим приведением в действие предначертаний наших к лучшему устройству остальных, и, положив решительный предел дальнейшему присвоению себе дворянских прав лицами, не причастными к дворянству ни по их происхождению, ни по общим правам службы, основать положение их на началах более прочных и прежним о них постановлениям соответственных» (ПСЗРИ 1888: № 4869). Незадолго до подписания отмеченного указа проблема шляхты западных губерний обсуждалась в Комитете министров. Ознакомившись с журналами заседания этого учреждения от 22 и 28 сентября 1831 г., Николай I распорядился подготовить нужный указ по шляхте и рассмотреть в Комитете министров возможность переселения 5 тыс. шляхетских семей из Подольской губернии на Кавказскую линию или в Кавказскую область.

Примечательно, что это была не первая попытка переселить часть шляхты в другие районы империи. Так, по предложению екатерино-

славского, вознесенского и таврического генерал-губернатора князя П.А. Зубова в 1796 г. Екатерина II подписала указ о перемещении 2 тыс. семей чиншевых шляхтичей в район р. Кодым, еще 1 800 семей – в Херсонский уезд и 200 семей – под г. Вознесенск (ПСЗРИ 1905: № 17469). Каждой семье предполагалось выдать в кредит по 50 руб. проездных, а на месте поселения безвозмездно выделить 30 десятин земли с небольшой усадьбой. К сожалению, нам неизвестно, состоялось ли в полной мере это переселение. Решение 1831 г. о переселении шляхетских семей на Кавказ, очевидно, было реализовано лишь частично. По сведениям А.С. Дзагалова, на Кавказ из Подольской губернии в 1834 г. были переселены 347 семей, добровольно пожелавших уехать (Дзагалов 2008: 39).

Судьба же остальной части шляхты обсуждалась на заседании Комитета министров 5 октября 1831 г. Для доклада по этому вопросу был приглашен гродненский гражданский губернатор М.Н. Муравьев. Незадолго до этого он возглавлял Могилевскую губернию, участвовал в жестоком подавлении повстанческого движения в Витебской, Минской и Виленской губерниях. После дискуссии Комитет министров решил, что необходимый указ надлежало издать в ближайшее время. Он должен был содержать только общие положения об устройстве шляхты (РГИА 1: 37). Подробности же по реализации намерений властей в этом деле должны были содержаться в министерских циркулярах. Объективно указ 19 октября 1831 г. положил конец надеждам значительной части шляхты приобрести дворянское достоинство. К этому сословию причислялись лишь те, кто к тому времени представил необходимые документы или уже был признан дворянами Герольдией. Те же, кто не смог доказать свое право, причислялись к однопворцам в сельской местности и к гражданам в городской черте.

Отметим, что положение тех, кто уже представил свои документы на дворянство, но еще не был утвержден Герольдией, было весьма шаткое. Созданные в западных губерниях ревизионные комиссии для проверки подлинных оснований для причисления к дворянству не могли исполнить свои обязанности из-за отсутствия достаточно убедительных свидетельств. Интересно, что до 1829 г. дворянские собрания, рассмотрев на своих заседаниях дела претендентов на причисление к благородному сословию, возвращали обратно подлинные документы тем, кто их внес. Когда же возникла необходимость вновь их представить в губернские ревизионные комиссии, многие шляхтичи этого не стали делать. В связи с этим 5 июля 1838 г. был издан указ, ограничивавший сроки работы этих комиссий тремя последующими годами (ПСЗРИ 1897: № 11387). Те же, кто не предъявил свои доказательства до истечения времени, отпущенного на эту

процедуру, подлежали причислению к однодворцам. Столь жесткое отношение к уже утвержденным депутатскими собраниями лицам было вызвано подозрением властей, что многие из них представили в свое время поддельные документы. Боясь же раскрытия подлога, шляхтичи намеренно не представляли их в комиссии повторно. Впрочем, и эти сроки оказались недостаточными, и 5 ноября 1842 г. власти были вынуждены продлить время решения дворянских дел шляхетства до 1 января 1845 г. (ПСЗРИ 1899: № 14998). Но и после этого число неутвержденных дворян оставалось значительным.

Что касается шляхтичей, переехавших на жительство в Бессарабскую область и сумевших добиться признания со стороны местного депутатского собрания своего права на благородное звание, то таких оказалось относительно немного – около двух десятков родов. В табл. 2 представлен список тех, кто, имея акты других депутатских собраний о признании их дворянами, был решением бессарабских депутатов до 1836 г. внесен в местную родословную книгу либо получил свидетельство на дворянство, будучи внесенным в книгу соответствующих губерний. За ними сохранялись сословные права до окончательного решения Сената.

Из 54 шляхетских семей, перечисленных в табл. 2, подавляющее большинство так и не добилось в Сенате прав на дворянство. Примечательно, что само Бессарабское депутатское собрание внесло в родословную книгу с 1824 по 1836 г. всего 10 фамилий шляхтичей. Однако из этих десяти ни одной не удалось получить утверждения Герольдии. Примером неудачных попыток обрести благородное звание может служить опыт трех семей, носивших одну фамилию – Лазо. Исследователи, в частности Г. Безвикони (Bezviconi 1943: 47), считают, что представители этой фамилии имели молдавские корни. Однако в архивных документах они фигурируют в качестве шляхтичей. В Бессарабии решением депутатского собрания в местную родословную книгу были внесены четыре рода с подобной фамилией. Однако право на дворянство добился лишь род Янакакия (Енакия) Лазо, внесенный в алфавитный список бессарабских дворян комиссией 1821 г. Возможно, судьба этой семьи была более успешной лишь потому, что отец соискателя Иордакий Лазо имел молдавский боярский чин вел. пахарника (чашника) (РГИА 2: 226). Сам Янакакий Лазо, будучи зрелым человеком (в 1821 г. ему было уже 40 лет), нигде не служил и чинов не имел. Соискатель занимался своим обширным хозяйством в Оргеевском уезде, где в вотчинах Икимауц и Сахарна владел землей.

Впрочем, как пишут современные авторы, причисление Янакакия Лазо к дворянству в 1821 г. было в определенной мере условным. Комиссия, которая была призвана рассматривать доказательства

дворянства, никаких документальных подтверждений от него не получила (Румянцев, Фенопентов 2013: 3). В отмеченное время у Лазо документов просто не было, о чем писали члены комиссии по разбору документов дворянства: «...в то время не мог он представить о древнем его происхождении и на чин спатаря надлежащих документов, которые до сего находились в Молдавии» (НАРМ 2: 23). Лишь в 1836 г., когда работала Комиссия по ревизии дел дворянского депутатского собрания, он предоставил необходимые бумаги, подтверждавшие его происхождение.

Между тем другие претенденты имели не меньше прав на дворянство. Так, титулярный советник Пантелеймон Степанович Лазо прибыл в Молдавию еще во время Русско-турецкой войны как служащий провиантской комиссии Дунайской армии. Свою государственную службу он начал 2 июня 1804 г. после окончания Подольской семинарии. В 1807 г., с началом войны против Турции, он поступил в местную провиантскую комиссию по земскому войску. Таким образом, его опыт по заготовлению провианта потребовался непосредственно в действующей армии. После присоединения Бессарабии к России П.С. Лазо остался служить в этой области. В 1814 г. он стал бухгалтером 2-го департамента областного совета, а с 1818 г. по выбору дворянства занимал различные должности (РГИА 4: 107 об.–111). В 1821 г. он приобрел у генерал-майора И. Катаржи вотчину в с. Кошерница Оргеевского уезда. Очевидно, после этого в Бессарабию переселились остальные его братья – Андрей, Фома и Иосиф. В 1826 г. братья Лазо были признаны Бессарабским собранием дворянами и внесены в дворянскую книгу, но так и не были признаны Герольдией (Румянцев 2012: 59). До окончательного решения этого вопроса фискальные службы пытались обложить членов семей Лазо, Дашкевичей, Ефимовских и других шляхтичей поборами. Во время производства очередной ревизии населения в середине 1830-х гг. была предпринята попытка внести их в число однодворцев. Чтобы защитить интересы этих шляхтичей, в дело пришлось вмешаться областному маршалу.

Кроме того, в области проживало немало шляхтичей, которые и не пытались войти в число бессарабских дворян. Причины их переселения в эту часть новоприобретенных территорий были разные – в частности, доступные цены на недвижимость, обилие вакансий на гражданской службе. Благо царские власти разрешили брать на такие должности недворянскую часть населения с условием, что оно проживало в Бессарабии. По этой причине в первые десятилетия вхождения области в состав России число шляхтичей в различных учреждениях было достаточно велико. Если в первое время шляхти-

чи концентрировались вокруг наместника А.Н. Бахметева, занимая должности в областном городе, то с годами их число выросло и в уездных структурах власти. В частности, в 1830–1840-е гг. они предпочитали делать карьеру в судебных и полицейских органах края. Так, в 1838 г. в полицейской части г. Хотин лишь один человек из пяти не принадлежал к шляхтичам. Им был письмоводитель С.И. Власов. Полицмейстером был литовский шляхтич Я.Л. Фраже, секретарем – Ф.А. Хожевский, письмоводителем – Ф.А. Заболоцкий. Там же служил и О.К. Баранецкий. Яков Леонтьевич Фраже был родом из Брест-Литовска и на службу поступил в 1803 г. в Новоингерманладский пехотный полк. Принимал участие в битве при Аустерлице, будучи ординарцем генерала П.И. Багратиона. После выхода в отставку в 1811 г. служил в разных губерниях, в основном в городских органах управления. В Бессарабию на должность полицмейстера он был переведен лишь в апреле 1837 г. В 1840 г. стал сорокским полицмейстером. Был женат, имел нескольких сыновей. Вся семья была римско-католического вероисповедания (РГИА 3: 181–183).

Отметим, что в конце 1830-х гг. в судебных и полицейских институтах Бессарабии служили несколько десятков поляков. В частности, Семен Маркелович Дембинский, Дмитрий Васильевич Салацкий, Симфириан Петрович Кохановский, Антон Юрьевич Харжевский, Август Лаврентьевич Карчевский, Казимир Лаврентьевич Карчевский, Степан Францевич Оссовский, Кирилл Игнатьевич Бучен, Феликс Михайлович Клодницкий, Андрей Демьянович Миколаевич, Павел Станиславович Отоманский, Иван Францевич Янушевич, Осип Венедиктович Хмелевский, Викентий Лукьянович Дудевич, Николай Николаевич Васьковский, Альберт Александрович Ясинский, Осип Станиславович Партицкий, Игнатий Григорьевич Ефимович, Осип Тимофеевич Малинский и др. Они оказались в Бессарабии по разным причинам: кто-то по назначению начальства, кто-то по собственному прошению, кто-то пытался осесть в этом крае навсегда. Примечательно, что абсолютное большинство из них не владели недвижимостью. Следовательно, служба для них была единственным источником существования. Так, из перечисленных выше лиц только С.М. Дембинский и Д.В. Салацкий имели собственные дома. Первый владел домом в предместье города Каменец-Подольский, доставшимся ему по духовному завещанию. У второго жена владела ¼ частью селения Кирстинец и каменным домом в Хотине, оцененным в 6 тыс. руб. ассигнациями. Большинство из них состояли в браке с католичками, лишь в двух случаях жены были православного вероисповедания. Все перечисленные лица имели хорошее образование, хотя не во всех случаях обрели его в учебных заведениях. Так,

Ф.М. Клодницкий, окончивший Каменец-Подольское поветное училище, владел, помимо польского и русского языков, латинским, немецким и французским. А.Д. Миколаевич имел лишь домашнее образование, но знал, кроме польского и русского языков, немецкий и французский (РГИА 3: 16–18). При обширном знании языков вновь прибывшие поляки плохо были знакомы с местной правовой и судебной практикой, не владели молдавским языком. Впрочем, это не мешало им сделать хорошую служебную карьеру.

Юридическое образование имел лишь С.М. Дембинский, окончивший в 1807 г. Высшее училище правоведения. Очевидно, он был родом из Могилевской губернии, где за ним числилось 48 крестьянских душ. Службу начал в 3-м департаменте Сената переводчиком с польского языка. В Бессарабию он попал в 1835 г., став областным прокурором. Затем несколько лет служил председателем Бессарабского уголовного суда (РГИА 3: 61–65). В те же годы кишиневским уездным прокурором был Д.В. Салацкий. Он был командирован в Бессарабию в 1817 г. А.Н. Бахметевым для разбора накопившихся уголовных дел. Буквально накануне он поступил в местный главный суд канцеляристом после окончания Каменец-Подольской гимназии. В Кишиневе работал около года, затем был возвращен в родной Каменец-Подольский. Однако в 1819 г., уволившись со службы, вернулся в Бессарабию, где продолжил свою карьеру (РГИА 3: 73–75). В частности, в 1842–1850 гг. он занимал должность хотинского уездного прокурора. Примечательно, что до назначения на должность уездного прокурора Д.В. Салацкий трижды был под судом: дважды (в 1835 г.) – за незаконное водворение в местечке Бричаны двух евреев и за взятку 230 руб. серебром от евреев того же местечка; третье судебное расследование над Салацким проходило в 1836 г. по подозрению в растрате уездного казенного сена, приготовленного для нужд армии (РГИА 5: 35–45).

Хорошее образование получил С.П. Кохманский, который, будучи католиком, закончил Подольскую греко-российскую семинарию. С 1826 по 1836 г. служил в Подольске, затем был переведен сорокским уездным прокурором. Кохманский служил в Бессарабии до конца 1850-х гг., успев побывать аккерманским уездным прокурором (1839–1851 гг.) (РГИА 5: 48–50), затем градоначальником в Бельцах (1852–1855 гг.) и Кагуле (1856–1859 гг.). Служебную карьеру в Бессарабии продолжил старший сын С.П. Кохманского Роман. Окончив Кишиневскую областную гимназию, он поступил в начале 1860-х гг. в Бессарабский областной суд. После проведения судебной реформы Р.С. Кохманский служил присяжным поверенным и присяжным стряпчим Бессарабского коммерческого суда. В Бессарабии начал свою служебную карьеру и младший сын С.П. Кохманского Вацлав,

исполнявший в конце 1850-х гг. обязанности столоначальника в областном правлении. Однако в начале 1860-х гг. он перешел служить помощником главного контролера 4-го отделения с. е. и. в. канцелярии.

Говоря о массовом поселении в Бессарабии шляхетских семей, отметим, что это явление не привело к существенному увеличению численного состава местного дворянства. Очевидно, большинство из них так и не смогли или не захотели добиться прав на благородное звание. Хорошо образованная, социально активная шляхта удовлетворялась высоким экономическим и служебным статусом. Кроме того, многие, формально обрета свидетельства о признании их дворянскими собраниями, пусть и не признанные Сенатом, могли беспрепятственно поступать на государственную службу. Внесение в родословную книгу ограждало их от риска внесения в число податного населения. Эти факторы вполне удовлетворяли их социально-экономические претензии.

Процесс вхождения этой социальной группы в состав дворянства не прекращался на протяжении всего периода существования императорской России. Время от времени Бессарабское дворянское депутатское собрание принимало решение о внесении бывших шляхтичей в местную родословную книгу. Наиболее активно этот процесс протекал во второй половине XIX в. Так, в отмеченное время к бессарабскому дворянству были причислены Стровские (в 1856 г.), Власовы (в 1862 г.), Долинские (в 1865 г.), Сицинские (в 1866 г.), Грозинские (в 1869 г.) и др. Словом, процесс причисления потомков бывших шляхтичей не останавливался вплоть до 1916 г. Однако в большинстве случаев право на дворянство давали лишь ордена или высокие чины. Таким образом, лишь в первой половине XIX в. наблюдался широкий интерес со стороны шляхетства к обретению дворянства. В пореформенные годы такой активности со стороны этой категории жителей Бессарабии уже не было замечено.

ЛИТЕРАТУРА

Бовуа 2011 - *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

Дзагалов 2008 - *Дзагалов А.С.* Переселение бывшей польской шляхты из Подольской губернии на Кавказскую казачью линию после подавления восстания 1830–1831 гг. // *Архивы и общество: научно-просветительский журнал.* Нальчик, 2008. Вып. 7. С. 38–48.

Казимирович 2006 - *Казимирович В.* Страницы истории поляков Молдавии // *Русин.* 2006. № 4 (6). С. 177–183.

ПСЗРИ 1845 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1845. Т. 19, № 13865.

ПСЗРИ 1849 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1849. Т. 23, № 17327.

ПСЗРИ 1856 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1856. Т. 30, № 22873.

ПСЗРИ 1857 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1857. Т. 31, № 26108.

ПСЗРИ 1860 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1860. Т. 33, № 17327.

ПСЗРИ 1861 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1861. Т. 34, № 27014.

ПСЗРИ 1888 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1888. Т. 6, № 4869.

ПСЗРИ 1897 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1897. Т. 13, № 11387.

ПСЗРИ 1899 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1899. Т. 16, № 14998.

ПСЗРИ 1905 - Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб., 1905. Т. 23, № 17469.

Румянцев 2012 - *Румянцев Е.А.* Кишиневский дворянский некрополь. Рукопись. 2012. С. 137.

Румянцев, Фенопентов 2013 - *Румянцев Е., Фенопентов В.* Дворянский род Лазо: генеалогия, персоналии, источники. Рукопись. 2013.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. В.Ф. Тимковский – Бессарабскому дворянскому депутатскому дворянству 25 июня 1826 г. Л. 30.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 858. Дело о дворянстве рода Лазо. Л. 23.

НАРМ 3 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 425. Записка неизвестного гражданскому губернатору от 29 апреля 1830 г. Л. 74.

НАРМ 4 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Отношение Екатеринославского дворянского депутатского собрания к Бессарабскому дворянскому депутатскому собранию 31 августа 1827 г. Л. 63.

НАРМ 5 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Предложение бессарабского областного предводителя дворянства Димитриу Бессарабскому дворянскому депутатскому собранию 3 ноября 1826 г. Л. 43.

НАРМ 6 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 15. Представление бессарабского областного предводителя дворянства в Бессарабский областной совет 11 мая 1836 г. Л. 41 об. – 42.

НАРМ 7 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Прошение 19 дворян к А.Н. Пизани 12 марта 1825 г. Л. 29.

НАРМ 8 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Список дворян Подольской губ., переселившихся в Бессарабскую обл. Л. 79.

НАРМ 9 - НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 74. Указ Бессарабского верховного совета. 19 декабря 1823 г. Л. 11.

РГИА 1 - Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1140. Оп. 3 (1845 г.). Д. 2. Краткая записка из всеподданнейшего доклада Правительствующего Сената общего собрания первых трех департаментов по вопросу о подсудности бывшей польской шляхты. Л. 37.

РГИА 2 - РГИА. Ф. 1151. Оп. 3 (1844 г.). Д. 231. Краткая записка из дела по обревизованию дворянской родословной книги, составленной по определениям существовавшей в Бессарабии в 1821 году особой комиссии для рассмотрения доказательств на дворянское звание. Л. 226.

РГИА 3 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 (1833 г.). Д. 424. Формулярные списки о службе и достоинстве бессарабских прокурора и стряпчих, казенных и уголовных дел да уездных прокуроров за 1837 г.

РГИА 4 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 (1833 г.). Д. 120. Формулярные списки о службе классных чиновников Бессарабской области, состоящих на действительной службе. Л. 107 об. – 111.

РГИА 5 - РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 1113. Формулярные списки чиновников Бессарабской области за 1845 г.

Bezviconi 1943 - *Bezviconi G.G. Boierimea Moldovei dintr Prut și Nistru. București. 1943. V. 2. 320 p.*

Gherasim 2012 - *Gherasim C. Unele considerații privind situația elitei nobiliare din Basarabia la sf. sec. XIX – înc. sec. XX. // Buletin științific al tinerilor istorici: Serie nouă. Chisinău, 2012. Vol. I (IV). P. 151–163.*

REFERENCES

Bovua, D. (2011) *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii: Vlast, shlyahtha i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, Polish nobility and the people on the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dzagalov, A.S. (2008) *Pereselenie byivshey polskoy shlyahtyi iz Podolskoy gubernii na Kavkazskuyu kazachyu liniyu, posle podavleniya vosstaniya 1830–1831 gg.* [Resettlement of former Polish nobility from Podolia to the Caucasian Cossack line, after the suppression of the 1830–1831 uprising]. *Arkhiv i obshchestvo: nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal*. 7.

Kazimirovich, V. (2006) *Stranitsyi istorii polyakov Moldavii* [Pages of Polish history in Moldova]. *Rusin*. 4 (6). pp. 183–190.

Russia. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 19.

Russia. (1849) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection

of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 23.

Russia. (1856) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 30.

Russia. (1857) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 31.

Russia. (1860) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 33.

Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. I. Vol. 34.

Russia. (1888) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 6.

Russia. (1897) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 13.

Russia. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 16.

Russia. (1905) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 23.

Rumyantsev, E.A. (2012) *Kishinevskiy dvoryanskiy nekropol'* [Chisinau noble necropolis]. p. 35. [Manuscript].

Rumyantsev, E. & Fenopentov, V. (2013) *Dvoryanskiy rod Lazo: genealogiya, personalii, istochniki* [The noble family of Lazo: Genealogy, personalities, sources]. [Manuscript].

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1826a) *V.F. Timkovskiy – Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu dvoryanstvu 25 iyunya 1826 g.* [V.F. Timkovsky – to Bessarabian Nobility Deputies, June 25, 1826]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Delo o dvoryanstve roda Lazo* [The case of the Lazo family nobility]. Fund 88. List 1. File 858.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1830). *Zapiska neizvestnogo grazhdanskogo gubernatoru ot 29 aprelya 1830 g.* [Note from an unknown person to the civil governor of April 29, 1830]. Fund 88. List 1. File 425.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1827) *Otnoshenie Ekaterinoslavskogo dvoryanskogo deputat-skogo sobraniya k Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu sobraniyu 31 avgusta 1827 g.* [The attitude of the Yekaterinoslav Nobility Deputies' Meeting to Bessarabian Noble Deputies' Meeting of August 31, 1827]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1826b) *Predlozhenie bessarabskogo oblastnogo predvoditelya dvoryanstva Dimitriyu Bessarabskomu dvoryanskomu deputatskomu sobraniyu 3 noyabrya 1826 g.* [Proposal of the Bessarabian regional nobility leader Dimitriou Bessarabian to

the Deputies' Meeting of November 3, 1826]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1836) *Predstavlenie bessarabskogo oblastnogo predvodite-lya dvoryanstva v Bessarabskiy oblastnoy sovet 11 maya 1836 g.* [Submission of the Bessarabian Regional nobility leader to the Bessarabian Regional Council of May 11, 1836]. Fund 88. List 1. File 15.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1825). *Proshenie 19 dvoryan k A.N. Pizani 12 marta 1825 g.* [Petition from nineteen noblemen to A.N. Pisani of March 12, 1825]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Spisok dvoryan Podol'skoy gub., pereselivshikhsya v Bessarabskuyu obl.* [The list of nobility from Podolia who moved to Bessarabia]. Fund 88. List 1. File 74.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (1823) *Ukaz Bessarabskogo verkhovnogo soveta. 19 dekabrya 1823 g.* [Decree of the Bessarabian Supreme Council of December 19, 1823]. Fund 88. List 1. File 74.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1845) *Kratkaya zapiska iz vsepoddanneyshego doklada Pravitel'stvuyushchego Senata obshchego sobraniya pervykh trekh departamentov po voprosu o podsudnosti byvshey pol'skoy shlyakhty* [A brief note of the most loyal report of the Governing Senate of the first three departments on the jurisdiction of the former Polish gentry]. Fund 1140. List 3 (1845). File 2.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1844) *Kratkaya zapiska iz dela po obrevizovaniyu dvoryanskoy rodoslovnoy knigi, sostavlennoy po opredeleniyam sushchestvovavshey v Bessarabii v 1821 godu osoboy komissii dlya rassmotreniya dokazatel'stv na dvoryanskoe zvanie* [A brief summary of the proceedings on inspection of the aristocratic genealogy book compiled according to the definitions of the special commission for consideration knighthood evidence that existed s in Bessarabia in 1821]. Fund 1151. List 3 (1844). File 231.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1833a) *Formulyarnye spiski o sluzhbe i dostoinstve bessarabskikh prokurora i stryapchikh, kazennykh i ugovolnykh del, da uездnykh prokurorov za 1837 g.* [The official lists of service and dignity of the Bessarabian prosecutor and solicitors, state and criminal cases and county prosecutors for 1837]. Fund 1349. List 4 (1833). File 424.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1833b) *Formulyarnye spiski o sluzhbe klassnykh chinovnikov Bessarabskoy oblasti, sostoyashchikh na deystvitel'noy sluzhbe* [The official lists of service class officials of Bessarabia region, in active service.]. Fund 1349. List 4 (1833). File 120.

The Russian State Historical Archives (RGIA). (1845). *Formulyarnye spiski chinovnikov Bessarabskoy oblasti za 1845 g.* [Formulary lists of Bessarabia region officials for 1845]. Fund 1349. List 6. File 1113.

Bezviconi, G.G. (1943) *Boierimea Moldovei dintr Prut și Nistru* [Boyars of Moldova Prut and Nistru]. V. 2. Bucharest: Fundatia Regele Carol I.

Gherasim, C. (2012) Unele considerații privind situația elitei nobiliare din

Basarabia la sf. sec. XIX – înc. sec. XX. [Some considerations on the situation of Bessarabian noble elite in the 19th – early 20th century]. *Buletin științific al tinerilor istorici: Serie nouă*. I(IV). pp. 151–163.

Морозан Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Morozan Vladimir - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: v_moga@mail.ru